

Рецензируемая книга относится к новому и малоразработанному направлению в русистике — исторической деривационной морфологии, предметом которой является соотношение словообразования и формообразования в их динамике. В настоящее время это единственная в русистике обобщающая работа о взаимосвязанных процессах в субстантивном словообразовании и словоизменении.

В последние десятилетия словообразование исследуется прежде всего как особый языковой уровень. Это способствовало разработке теории и принципов описания синхронного словообразования. В то же время теснейшие связи словообразования с морфологией и синтаксисом, лексикой во многом еще остаются не выявленными. Изучение этих связей как в диахронии, так и в синхронии — одна из актуальных задач теории языкознания и научного описания языка.

На конкретном материале автор убедительно доказывает, что ряд общих свойств, присущих словообразованию и формообразованию, дает возможность рассматривать их как подсистемы одного, морфологического, уровня. Суффиксы, будучи своего рода «предокончаниями», теснейшим образом связаны со словоизменительными классами существительных. Однозначность / неоднозначность связи субстантивного суффикса с морфологическими категориями существительных определяет специфику словообразовательной семантики производных, а также возможность / невозможность их морфологического варьирования.

В монографии рассматривается словообразование существительных на протяжении XI—XVII вв. в связи с развитием и становлением грамматических категорий рода, числа, падежа, категории одушевленности / неодушевленности, выявляется роль словообразования в организации лексико-грамматических разрядов существительных, прослеживаются исторические изменения в словообразовании различных лексических групп существительных в разные периоды истории русского языка. Описание изменений в субстантивном словообразовании производится по синхронным срезам. Выделяются 1) исходная система (X — нач. XI вв.), 2) древнерусский (XI—XIV вв.) и 3) старорусский (XV—XVII вв.) периоды. Исследование построено на огромном фактическом материале памятников письменности разных жанров XI—XVIII вв., данных диалектологии и лингвистической географии. При этом последовательно разграничиваются факты, характерные для языка книжно-письменного типа и для

языка народно-разговорного типа. Анализ материала проводится в направлении от «средств к функциям» и от «функций к средствам» сравнительно-историческим и синхронно-сопоставительным методами, методами исторической интерпретации изоглосс Диалектологического атласа русского языка. Относительная хронология рассматриваемых явлений уточняется и путем сопоставления словообразовательных моделей с одинаковыми формантами в нарицательной и ономатической лексике.

Функциональный анализ субстантивных суффиксов (гл. 1) позволяет автору дать новую, оригинальную классификацию суффиксов в зависимости от той морфологической нагрузки, которую они несут, вскрыть тесную взаимосвязь морфологических и деривационных функций субстантивных суффиксов, представить иерархию различных групп суффиксов в зависимости от наборов присущих им функций. На основании однозначной / неоднозначной связи суффиксов существительных с частью речи, грамматическим родом, типом склонения выделяются: 1) суффиксы, общие для существительных и других именных частей речи (прилагательных, причастий, числительных, местоимений) — общенменные (ОС), 2) суффиксы, специфичные только для словообразования существительных — частноименные суффиксы (ЧС). ЧС подразделяются на подгруппы суффиксов, однозначно связанные с родом и типом склонения (ЧС¹), родом (ЧС²), типом склонения (ЧС³) и не однозначно связанные с родом и типом склонения (ЧС⁴). Центральное положение в словообразовании существительных занимают суффиксы, однозначно связанные с грамматическим родом и типом склонения. Они представляют наиболее многочисленную группу и образуют слова только с одним из присущих существительным семантических типов словообразовательных значений — либо мутационным, либо модификационным, либо транспозиционным. Так, все слова типа *зодати* в древнерусский и старорусский периоды представлены наименованиями лиц мужского пола со значением «носитель процессуального признака, названного производящей основой» и принадлежат к одушевленным сущ. муж. рода. Все слова на *-ие* в своих первичных значениях обозначают отвлеченный от носителя процессуальный признак. К числу периферийных относятся суффиксы, не являющиеся формальными показателями рода и склонения, а также определенного типа семантических отношений между производными и произво-

дациями (ЧС², ОС). У ОС отсутствуют собственно морфологические функции, они указывают лишь на производность слова, на его отношение к другому слову. Принадлежность суффиксов к той или иной группе исторически изменчива. Выявляется, что чем больше морфологическая нагрузка субстантивных суффиксов, тем больше их деривационная нагрузка, и наоборот. В русском языке постепенно растет число продуктивных суффиксов с наибольшей нагрузкой и сокращается число суффиксов с наименьшей морфологической нагрузкой.

В тесной связи со словообразовательной структурой слова, продуктивностью отдельных суффиксальных словообразовательных типов происходят изменения в истории грамматической категории рода (гл. 2). Между грамматическим родом и словообразовательным суффиксом устанавливаются однозначные отношения: суффикс становится показателем грамматического рода имени существительного. В связи с этим прекращается производство слов разного рода от одних и тех же основ с тождественными формантами. Так, уже в древнерусском языке единичным образования типа *бы-ть* и *бы-то* «имущество», *бы-ть* (жен. род) «бытие». Родовые варианты характерны для существительных производных (или слов с опрошенной основой), если им не свойственны признаки пола, и слов, образованных с помощью формантов, употребляемых не только при словообразовании существительных, но и других частей речи (-а-, -и-, -ы-, -т- и др.). Регулярные девербативы с нулевым суффиксом мужского, среднего и женского рода в древнерусском и старорусском языках объясняются многозначностью мотивирующих глаголов, наличием различных лексико-семантических вариантов производящего глагола. В дальнейшей истории русского языка производные лексемы разного грамматического рода, первоначально являющиеся вариантами, либо утрачиваются (один из вариантов), либо при определенных условиях (сохранении структурно-семантической связи с производящими, многозначности) вступают в отношения синонимии и далее функционируют в качестве разных лексем. При продуктивности девербативов разного грамматического рода и однородности их словообразовательной структуры наблюдается тенденция к дополнительному распределению производящих основ на лексическом уровне. Признак грамматического рода становится существенным не только для словоформ существительных, но и для дифференциации лексем. К XIII—XIV вв. суффиксы субъективной оценки, не образующие новых по смыслу слов, утрачивают связь с грамматическим родом

и типом склонения (суф. -ишьк-, -еньк-, -ежк- и др.). К концу XVII в. суффиксы субъективной оценки перестают быть показателями среднего рода, их грамматический род, как и других существительных с оценочными суффиксами, начинает определяться родом производящего существительного.

Формирование категории одушевленности/неодушевленности также связано с изменениями словообразовательных типов личных имен существительных (гл. 3). Формирование категории одушевленности рассматривается в связи с категорией лица. Категория лица/не-лица, свойственная древнерусскому языку, выделяется прежде всего на лексическом уровне средствами словообразования. Показателями лица и мужского пола являются в древнерусском языке суф. -ал¹-, -ар¹-, -ам¹-, -ич¹-, -тея¹ и др. (ЧС¹) (*пьякаль*, *виноградарь*, *врачъ*, *вочичъ*, *учительъ*). Неличные существительные с указанными суффиксами в древнерусских памятниках отсутствуют. Личным существительным муж. пола по большей части соответствует грамматический мужской род. Дополнительным средством выделения наименований лиц мужского пола является форма Р-В пад. ед. числа. Относительная слабость словоизменительных средств выражения категории одушевленности/неодушевленности в древнерусский период компенсируется дифференциацией суффиксов. Кроме того, личные и неличные имена с суффиксами других групп (-ик-, -ыч-, -ъч-, и т. д.) обычно не производятся от одного и того же слова. С усилением словоизменительных средств выражения категории одушевленности/неодушевленности становится возможным производство личных и неличных существительных муж. рода с помощью одних и тех же суффиксов, т. е. идет процесс объединения личных и неличных существительных в один словообразовательный тип. В старорусский период происходит ряд изменений в словообразовании существительных женского рода. С формированием категории одушевленности/неодушевленности растет удельный вес словообразовательных коррелятов имен мужского и женского рода. С завершением формирования категории одушевленности/неодушевленности становится возможным образование названий лиц женского пола по образцу продуктивных словообразовательных моделей, а не непосредственно от наименований лиц мужского пола. С развитием категории одушевленности/неодушевленности связано и формирование существительных общего рода, в деривации которых участвуют суффиксы, либо однозначно не связанные с родом и типом склонения, либо однозначно связанные только с типом

склонения на -а, но не с родом. В старорусский период слова общего рода образуются или с помощью экспрессивных суффиксов от стилистически нейтральных слов (ср.: *продолжа, скупала*), или с помощью стилистически нейтральных суффиксов от экспрессивных слов или слов с отрицательной оценочной характеристикой (*невеща, лыжица*). Основную массу слов общего рода в старорусский период составляют образования с экспрессивными суффиксами, однозначно связанными с типом склонения (ЧС⁴).

Взаимодействие словозменения с семантико-словообразовательными особенностями существительных выявляется и в развитии категории числа (гл. 4). В монографии определяются закономерности, с которыми связаны словозменительные формы числа с полной и неполной числовой парадигмой. Так, словозменительные формы числа полной парадигмы характерны для слов-derivатов с мутационным СЗ, транспозиционным СЗ действия/состояния и модификатов, в значении которых не входит семантический признак количества. Неполная числовая парадигма ед. числа характерна для транспозитов со значением отвлеченного качества, а также дериватов, словообразовательному значению которых присущ признак нерасчлененности (вещественным и собирательным именам). Исполная числовая парадигма мн. числа характерна для дериватов, в СЗ которых входит признак множественности в сочетании с признаком разнородности (ср.: *остатки, убытки*). Нейтральными родовых различий во мн. числе способствует формированию словообразовательных типов плюративов, суффиксы которых не являются показателями рода и типа склонения. Особенно интересны наблюдения автора, связанные с категорией числа собирательных существительных. Устанавливается, что между средствами словообразования и словозменения, выражающими одно и то же значение или имеющими общую семантическую часть, складываются отношения дополнительного распределения. Так, к концу древнерусского периода собирательные существительные типа *братья* начинают конкурировать с исконными формами мн. числа производных слов. Общность признака множественности у собирательных существительных и словоформ мн. числа производных имен. рост употребительности в деловом языке старорусского периода форм мн. числа типа *коды* обуславливает угасание продуктивности первичных собирательных существительных типа *коды* и формирование вторичных собирательных имен с ЧС¹ (*-ств-о, -щик-а, -от-а* и др.).

Развитие типов склонения также связано с изменениями в словообразователь-

ной структуре имен существительных (гл. 5). Исследование показывает, что противопоставление типов склонения в разные исторические эпохи зависело не только от распределения существительных по роду, но и от принадлежности производных к определенному словообразовательному полю. Процесс упрощения субстантивного словозменения сопровождается усложнением систем словообразования, усилением продуктивности живых словообразовательных моделей. Утрата типов склонения яа -а, -и- (муж. р.), основ на согласный связана с тем, что уже к XI в. в древнерусском языке к ним принадлежат почти исключительно слова или непроизводные, или с суффиксами, утратившими деривационные функции. Ослабление противопоставления типов склонения существительных в плане выражения (сокращение словозменительных классов, унификация типов склонения во мн. числе, рост явления надежного синкретизма) сочетается с усилением семантической оппозиции словообразовательных типов разных субстантивных классов. Для разных словозменительных классов постепенно становятся специфичными типы семантических отношений между производным и производящим. Для существительных мужского склонения (типа *конь, столе*) продуктивны образования с мутационным СЗ носителя признака; среднего рода (типа *село, поле*) продуктивны дериваты с транспозиционным СЗ (прежде всего подтип СЗ отвлеченного процессуального признака); для склонения женского рода (типа *кость*) продуктивны экспрессивы с мутационным СЗ носителя признака, образовании с транспозиционным СЗ (прежде всего отвлеченного качественного признака).

Объем реценции не позволяет нам коснуться ряда вопросов теории словообразования, полученных в монографии оригинальную трактовку (специфика словообразовательного значения, вопросы синонимии, омонимии, полисемии в словообразовании).

В целом монография Ю. С. Азарх представляет собой серьезное, самостоятельное исследование, объединяющее в себе конкретный анализ огромного материала (исторического, диалектного, в ряде случаев современного русского языка) и теоретическое его осмысление. В каждой главе содержится впервые сделанные автором общие и частные наблюдения относительно взаимосвязи подсистем словообразования и словозменения. Выводы и обобщения вносят новое не только в теорию и методику исследования исторической грамматики русского языка, но и в теорию общего языкознания. Некоторые теоретические положения впервые вводятся в языковедскую практи-

ку. Наиболее важные из них: 1) оформлению морфологической категории средствами словообразования предшествует период ее функционирования как категории лексико-словообразовательной; 2) между словообразованием и формообразованием при выражении ими одного смысла существуют отношения дополнительного распределения; 3) параллельно с процессом упрощения системы словоизменения существенных идет процесс усложнения системы словообразования этой части речи, т. е. оппозиция словоизменительных классов усиливается с помощью средств словообразования. Впервые вскрыта функциональная неоднородность субстантивных суффиксов, зависимость между словообразующими и формообразующими функциями суффиксов существительных. Продуктивность словоизменительных классов связана с принадлежностью к ним словообразовательных типов, суффиксы которых обладают наибольшей функциональной нагрузкой.

Некоторые положения автора являются дискуссионными, что вполне естественно для такого труда. Так, вызывает возражение выделение частноименной группы суффиксов *-мен-, -ес-, -ат-, -ер-* (ЧС⁸),

которые в древнерусский период уже утратили свои словообразующие функции и стали формативными основ чисто морфологического характера.

Нет достаточно четкой дифференциации и соотносительности в характеристиках словообразовательных значений, выделяемых автором: частное и общее, семантико-словообразовательное и лексико-словообразовательное. Соотношение всех видов словообразовательных значений (в ряде случаев спорное) дано лишь в выводах, что затрудняет чтение книги. Спорным является отнесение ряда образований к конденсатам. Возможны замечания по поводу некоторых морфологических характеристик отдельных суффиксов. Затрудняет чтение обилие сокращений, часть из которых не является необходимой.

В целом же результаты проведенного исследования найдут разнообразное практическое применение в научно-исследовательской работе в области истории русского языка, при чтении университетских курсов, спецкурсов по истории русского языка, при подготовке учебных пособий для вузов.

Шелузова Н. Т.

Сукунов Х. Х. Структурно-типологический анализ развития национально-русского двуязычия (На материал кабардино-черкесского языка). Нальчик: Эльбрус, 1984. 209 с.

Национально-языковые вопросы в Советском Союзе изучаются достаточно интенсивно и разносторонне. Однако на определенном этапе в языковых процессах возникают новые проблемы, решать которые можно, только всесторонне исследуя тенденции языковой жизни всей семьи социалистических наций и народностей СССР. Характерные для социалистического общества взаимосвязь, взаимобогащение и взаимопонимание вызывают в языках народов СССР изменения, способствующие более тесному единению и развитию наших народов и их языков.

Рецензируемая книга представляет собой первую попытку социально-лингвистического и структурно-типологического анализа кабардинско-русского двуязычия. Она состоит из введения и четырех глав.

Во введении (с. 3—40) раскрываются методологические и теоретические основы исследования, отмечается возрастание роли национально-русского двуязычия, излагается краткая история развития адыгско-русского двуязычия.

Анализ кабардинско-русского двуязычия дается в контексте социальных факторов взаимодействия русского и кабардинского языков и с учетом условий формирования и развития младописьменно-

го кабардинского литературного языка.

Принципиально важным и новым в работе является то, что в первой главе «Основные структурно-типологические особенности русского и кабардинского языков и принципы их конвергентного и дивергентного анализа» (с. 41—77) проводится конкретный системный анализ звукового строя двух языков. Структурно-типологическая характеристика особенностей фонологических систем и фонетических процессов в них дается с учетом четырех взаимодействующих процессов: а) внутреннего развития родного языка, б) взаимодействия двух неродственных языков, в) интерферентного влияния второго языка на первый (родной), г) интерферентного влияния первого на второй.

Под структурно-типологическим анализом языковых систем Х. Х. Сукунов понимает биллингвистическое описание, определяемое как установление сходств и различий, схождения и расхождений между русским и кабардинскими языками. Системная характеристика сходств и схождения в анализируемых языках осуществляется применительно к языковым фактам и явлениям двух типов. Это 1) типологически тождественные или однородные, близкие факты и явления, характерные для второго и первого языков, —